

Глава 23. Партбилет (1961- 62)

В один из весенних дней 1961 года меня пригласил к себе Дмитрий Галактионович Жолудев. После небольшой вводной беседы о происходящих в стране и партии изменениях, спросил, как бы я отнёсся к вступлению в партию. Вопрос застал меня врасплох. Никогда не думал, что мне, бывшему лагернику, отбывавшему срок по политической статье и к тому же немцу, могут сделать такое предложение. Скорее всего, это просто личное мнение Дмитрия Галактионовича, - подумал я, а вслух спросил:

- Вы что, шутите, ведь я отбывал срок по политической статье, кто же меня туда примет?

- Но ведь Вы реабилитированы, реабилитированы из-за отсутствия состава преступления, – полувопросительно, полуутвердительно возразил Дмитрий Галактионович, – это всё меняет. Мы уже выясняли в райкоме. Нужно только Ваше заявление, – сделав особое ударение на “мы”, закончил Жолудев.

Теперь я понял, что предложение почти официальное и отвечать на него нужно серьёзно. Дмитрий Галактионович конечно ожидал, что я сразу соглашусь и выражу признательность за доверие. Но что-то мешало мне. Что-то личное и глубокое. Доверяя Хрущёву, я не верил большевикам, коммунистам, партии. Несмотря на всё, что стало известно, партия ни в чём не раскаялась. Её устав, требующий беспрекословного выполнения любых, даже самых жестоких и кровавых решений своих вождей, оставался неизменным. Вступая в неё, я предавал своих друзей, близких, свою мать. Однако сказать всё это вслух я, естественно, не мог. Это было слишком опасно. Желая сохранить пространство для манёвра, я решил сослаться на неожиданность предложения и свою неподготовленность к такому важному шагу.

- Ну, хорошо, подумайте, но не затягивайте с ответом, – заканчивая беседу, сказал Жолудев и ободряюще улыбнулся.

Ошеломлённый и встревоженный беседой, шёл я домой. С одной стороны, предложение было лестным, и лишний раз свидетельствовало о хорошем отношении ко мне руководства института, а с другой – пугало. Я всегда предпочитал быть в тени и не “высовываться”. Ведь моё вступление в партию для многих будет означать, что у меня есть стремление к продвижению по служебной лестнице, и я сразу попаду в поле зрения блюстителей идеологической чистоты партии.

И всё же, как мне в то время казалось, в этом предложении было больше плюсов, чем минусов. Вступление в партию укрепляло мой социальный статус, увеличивало возможность профессионального роста и продвижения по служебной лестнице, давало право на дополнительную информацию и принятие решений. Общаясь с членами партии, я понял, как далеки многие из них от образа кристально честного коммуниста, внушаемого народу советской пропагандой. Чванливые догматики, считающие, что принадлежность к партии делает их особо прозорливыми, особо умными, больше других болеющими за дела в стране и институте, они раздражали меня. Всем своим существом чувствовал я их недовольство проводимой Хрущёвым политикой, их внутренний протест против его реформ. В тот момент я был убеждён, что не менее их болею за дела в институте и государстве, что могу оказать, пусть микроскопическую, но реальную помощь в реформировании экономики страны.

Соображения идеологического свойства беспокоили меня в тот момент меньше. Ведь идея коммунистического общества не была мне чужда. Не устраивал только выбранный для этого большевиками путь. Приход к власти Хрущёва, его критика сталинских методов, внушали надежду. И хотя он не подверг сомнению правильность основных направлений деятельности партии и обошёл стороной вопрос о её ответственности перед народом, я поверил в хрущёвскую «оттепель».

Нина, узнав о сделанном мне предложении, встревожилась:

- Робочка, что же теперь делать? Ведь на роль коммуниста ты совсем не подходишь, – и, подумав, продолжила:

- Но и отказаться опасно. Как это будет расценено руководством института, и не выгонят ли тебя после этого с работы.

- Так что же мне делать?

- Поговори с Дмитрием Галактионовичем честно и откровенно, объясни, что у тебя не тот характер.

- Да говорил я ему это!

- И что?

- Говорит, что такие, как я тоже нужны партии. Сослался на свой личный опыт.

После долгого обсуждения сложившейся ситуации, решили, что надо поговорить с Василием Ивановичем Яцеевым и преподавательницей истории КПСС, доцентом Марией Юльевной Хазинной, которые у нас в институте считались наиболее ортодоксальными коммунистами, и просить у них рекомендации в партию. Была надежда, что хотя бы один из них мне требуемую рекоменда-

цию не даст. Если всё же дадут, то придётся писать заявление, если нет, то будет повод для отказа, решили мы.

Как я и предполагал, Василий Иванович, хотя и не отказал мне, но предупредил, что предварительно посоветуется в райкоме партии, не будет ли моё прошлое препятствием к вступлению в партию.

- Я не привык, что бы рекомендуемых мною кандидатов отклонял райком или крайком, – заявил он.

Мария Юльевна, вопреки ожиданиям, с одобрением встретила «моё», как она выразилась, решение вступить в партию и обещала подготовить рекомендацию.

В июне шестьдесят первого партийное собрание института приняло меня кандидатом в члены КПСС. Потом утверждение в райкоме партии. В приёмной первого секретаря человек десять, таких же, как и я, ожидающих утверждения. Приглашают по одному. Небольшой кабинет на четыре окна. За широким письменным столом первый секретарь. Им в тот год был Ким. Члены райкома за длинным приставным столом. Я стою, как школьник перед экзаменаторами. Вопросы задают о работе, общественных поручениях, новой программе партии, последних решениях ЦК, о положении в районе. И ни слова о моём прошлом. О результатах, как на государственном экзамене, сообщают после того, как кабинет посетит последний из приглашенных на утверждение кандидатов. Все напряжены, волнуются. Волнуюсь и я. Не хватает только, что бы мою кандидатуру отклонили. Это будет хуже чем, если бы я отказался писать заявление. Для сообщения о принятом решении вновь приглашают по одному, и этим процедура утверждения существенно отличается от процедуры, принятой на государственных экзаменах. Ким поздравляет с приёмом кандидатом в члены партии. Поздравляет сухо, официально, не подавая руки. Интересно, со всеми ли он так. В ответ благодарю, обещаю оправдать доверие.

Всё! Столь тяжёлая для меня процедура закончена. Из прохлады кирпичного здания райкома партии выхожу на дышащую зноем и пылью улицу. Иду, подавленный сумятицей нахлынувших на меня чувств, главные из которых радость победы и стыд за совершенный поступок, за предательство к своему прошлому. Иду медленно, одолеваемый невесёлыми мыслями. Идти домой не хочется. Вскоре меня догоняет Зинаида Васильевна Стефанская. Она тоже была там, на утверждении. Поздравляет. Я изображаю на лице радость, но, наверное, не очень убедительно. Во всяком случае, Зинаида Васильевна это замечает:

- Что за кислая улыбка, ведь всё прошло хорошо?

Мне очень хотелось поделиться с ней мучившими меня сомнениями, тем более что поговорить с ней «по душам» мне было всегда приятно. Но я не рискнул и сослался на зубную боль.

В коллективе моё вступление в партию встретили нормально, тем более что многие считали, что до ареста я уже состоял в партии и меня, как и многих в те годы, просто восстановили в ней.

Среди лагерных друзей и знакомых это тоже не вызвало никакого протеста или насмешек. Большинство из них, например, Калиновский, Руди, Капелевич, Иссерлис, Саид-Галиев, Мейтин, уже давно были восстановлены, а Мусю приняли в партию год назад.

Главной проблемой стал Юра Горст. Как он сказал, ему то же предлагали вступить в партию, но он отказался, сославшись на то, что не является полноправным гражданином своей страны, так как не может вернуться на родину в Камышин. Ему не поверили и обратились в соответствующие инстанции. Там Юрины слова подтвердили, после чего в институте его оставили в покое. Я же сослаться на эту причину не мог, ибо по иронии судьбы на меня последнее постановление не распространялось, и я мог ехать в любой населенный пункт бывшей республики немцев Поволжья.

Теперь, каждая встреча с Юрой завершалась спором о смысле моего поступка. Юра, нащупав, наконец, моё слабое место, стал умело разыгрывать пришедшие козыри – обвинять меня в карьеризме. Для меня это обвинение казалось очень обидным, но убедительно опровергнуть его я не мог. Спасало то, что встречались мы, к сожалению не так часто как мне хотелось бы.

В июле 1961 года, вскоре после вступления в партию, мы, пользуясь правом на очередной бесплатный проезд, решили ехать к Мейтиным в Горячий Ключ. В этот маленький городок и прекрасный курорт Краснодарского края они переехали в 1960 году. Купили домик с садиком и теперь настойчиво звали нас к себе погостить. Валерика на всё лето отправили в Здвинск к Эрночке. Ехали через Москву, где я должен был повидаться с Исидором Ароновичем Гибш, редактировавшим мою книжку. Остановились в гостинице «Восток», что само по себе было почти что чудом, так как в те годы устроиться в гостиницу без брони было чрезвычайно трудно.

Поезд на Ростов, на который мне удалось закомпостировать билеты, отходил через день, и надо было решить, как лучше провести представившееся нам время. Со мной всё было ясно, я должен был с утра ехать на дачу к Исидору Ароновичу. Неясно было, куда податься Нине с ребяташками. Я предложил дожидаться моего возвращения или сходить на ВДНХ, доехать до которой бы-

ло совсем просто. Нина, чем-то обиженная, наверное тем, что я не предложил ей с детьми ехать со мной на дачу, неожиданно для меня, заявила:

- Я завтра с ребяташками поеду в Мавзолей.

- Как в Мавзолей, зачем? – опешил я.

- В Мавзолей! Я всю жизнь мечтала побывать там. И детям будет полезно, – настаивала она.

- А знаешь ли ты, как туда попасть? – с некоторой долей ехидства спросил я.

- Попаду! Дорогу на Красную площадь укажет мне всякий. А там язык до Киева доведёт, – уверенно заявила Нина.

- Довести-то доведёт, а что дальше?

- Что дальше? Встанем в очередь – удивлённо парировала она.

- Ну, конечно, встанете в очередь, а знаешь ли ты, что её занимают в Александровском саду, доступ в который прекращается в восемь часов утра. Мавзолей же открывается в десять. Выдержат ли это ребяташки? – поинтересовался я.

- Выдержат, – уже менее уверенно проговорила Нина.

Я весь кипел от злости, но сдерживал себя.

- Ну, объясни мне, зачем тебе это? Посмотреть на этого изверга в форме генералиссимуса? Я бы не пошёл, даже за большие деньги.

- Ладно, не ходи, это твоё дело, хотя как коммунист ты должен был бы почтить хотя бы Ленина, а я пойду и дети то же, – выпалила Нина, делая ударение на слове, коммунист.

- Как коммунист я должен изучать труды Ленина, а не поклоняться мумии, – отрезал я.

- Ну хорошо, хорошо, не ходи, только отвези нас утром в Александровский сад, а потом можешь ехать к своему Гибшу или ещё к кому-нибудь, – сказала Нина и, помолчав, добавила:

- Только к обеду, часам к двум, возвращайся. Мы будем тебя ждать на тех длинных скамьях, которые вдоль Кремлёвской стены справа и слева от Мавзолея.

На следующий день, вернувшись в условленное время на Красную площадь, я понял, какую глупость совершил. Скамейки, о которых говорила Нина, были пусты. Милиция к ним никого не подпускала. «Где же теперь искать эту фанатичку?», – подумал я и тут же спохватился. Никогда раньше даже в мыслях я не применял к Нине подобных эпитетов. Начались поиски. Я расспрашивал милиционеров, фотографов, не видели ли они женщину с двумя детьми: мальчиком восьми лет и девочкой шести лет. Милиционе-

ры пожимали плечами, а мороженщицы посылали меня то в один, то в другой конец площади, уверяя, что только что видели их. Обезав не один раз площадь, а заодно и ГУМ, и никого не найдя, я решил, что Нина с детьми уже дома. Ведь говорила же она, что язык до Киева доведёт. Приехав в гостиницу, поднялся в свой номер, а Нина уже там, злая, какой я её раньше никогда не видел, и сразу начала упрекать за предложение ждать на скамейках. Говорила полушепотом, боясь разбудить ребят, которые, разметавшись, спали на постели.

- Ты же всегда всё знаешь, – возмущалась Нина, – Почему же не предупредил, что на эти дурацкие скамейки никого не пускают! Ты что, сделал это мне назло?

- Ты что, с ума сошла, разве мог я подвергнуть своих детей таким испытаниям. Я просто этого не учёл, – тоже шёпотом оправдывался я.

Но Нина ничего не хотела слушать. Измученная страшной жарой, которая в те дни стояла в Москве, капризами детей, поиском гостиницы, названия которой, как на грех, не могла вспомнить, а, главное, тем, что посещение Мавзолея не доставило ни ей, ни тем более детям, никакого удовольствия, она, всхлипывая, обвиняла меня во всех мыслимых и немыслимых грехах. Начиная с Маниковской и Нели и кончая поездкой к Исидору Ароновичу, на которую, по неизвестной ей причине, я не захотел взять её и ребятшек. От того, что перепалку мы вели шёпотом, она приобрела зловещий оттенок.

Доведённый до крайности Нининым, как мне тогда казалось, злым шипением, и не меньше её утомлённый бегом по раскалённой Красной площади, я взорвался:

- Знаешь что, вот тебе билеты и все деньги, и поезжай к своей Мусеньке и Олечке, а я возвращаюсь в Енисейск.

Нина замерла, и вдруг громким напряжённым голосом спросила:

- Так это что, развод?

- Понимай, как хочешь! Я поеду к Кериму, возьму у него денег и поеду в Енисейск, у меня там много работы.

Сказал и начал собирать свои вещи, лихорадочно соображая, что же теперь делать. Нина стояла растерянная и опустошённая, не находя слов примирения. Мне было её очень жаль, но я тоже не мог преодолеть себя и сделать первый шаг к примирению.

Выручила Наташа. Разбуженная Нининым выкриком, она с удивлением стала смотреть на нас, потом, встревоженная выражением наших лиц, с наивной детской прозорливостью спросила:

“Чего это вы?”, и, не дождавшись ответа, спустилась с кровати и босиком бросилась ко мне:

- Папочка! Ты это куда собираешься? Мы уже едем?

Я надеялся, что что-нибудь скажет Нина, но она молчала. Пришлось отвечать мне.

- Нет, нет, Наташенька, поедem мы завтра рано утром. Так что ложись. Вам надо хорошо выспаться.

Успокоенная, она начала делиться дневными впечатлениями:

- А мы видели Ленина и Сталина. Они лежат в гробах. А кругом тихо, тихо, а Рома как закричит, и все милиционеры на него зашептали “тихо, тихо”, а потом Рома плакал, а я хотела мороженное.

- Ладно, ладно! Ложись! Про Мавзолей ты мне расскажешь завтра, хорошо?

Наташа согласно кивнула головкой, и, подойдя к Нине, потянулась к ней за поцелуем, чмокнула в губы, помахала мне ручкой и, толкнув Ромочку в бок, улеглась в кровать.

Дождавшись, когда заснёт Наташа, произнёс:

- Ну ладно, давай забудем всё, что произошло сегодня. Завтра нам предстоит тяжёлый день, надо отдохнуть.

Настоящего примирения, которым обычно заканчивались наши ссоры, на этот раз так и не произошло. Каждый остался при своём мнении, со своей правдой и со своей обидой. Впоследствии мы несколько раз возвращались к этой ссоре, её истокам и последствиям.

Но тогда повседневные заботы, тревоги и радости, как зыбучие пески, временно засыпали рубцы, приглушили боль. В поезде на наши места были проданы билеты ещё одной паре пассажиров, и мы долго ждали, пока проводники разберутся с нашей проблемой. Но во всём остальном поездка сложилась благополучно.

В Ростове мы пробыли всего дней пять, и от этого времени сохранилась фотография, на которой кроме уже известных вам лиц моя племянница – Лялина дочь Таня. Все женщины, кроме, разумеется Наташи, перед фотографированием побывали в парикмахерской, где им и придали такой трудно-узнаваемый вид.

Ростов 1961.

*В первом ряду Игорьек, Наташа, Ромочка и я.
Во втором ряду: Ляля, Таня и Нина.*

После Ростова мы продолжили свой путь поездом до Краснодара, а оттуда автобусом до Горячего Ключа. Этот маленький курортный городок, расположенный на горной речке Псекупс, с трёх сторон окружённый горами, нам очень понравился. Понравился своеобразным климатом, мягким и ласковым, своими санаторными парками, аллеями, обилием цветов и тишиной. Ни гудков машин, ни озлобленных, куда-то спешащих, озабоченных людей.

С утра, позавтракав, в сопровождении хозяев и их детей, шли на Псекупс купаться. Мест для купания, где вода доходила до шеи, было всего два: у висячего моста и у «Петушка», - так называлась

*Горячий Ключ
В лодке Оля и Нина*

*Горячий Ключ
В саду у мейтиных*

д-
я-
е
л,
е
ла
й
я
л-
ю
э-
ла
у-
ы

«Петушок» был со стороны города, а купались отдыхающие на противоположном берегу. Под самым Петушком было глубоко, говорили, что там яма в 6-8 метров, и какие-то подводные течения и водовороты. Это притягивало молодёжь, которая, забравшись на уступы Петушка, ныряли в Псекупс. Некоторые вполне профессионально, другие, неуклюже дрыгая ногами и размахивая руками. Иногда такие прыжки заканчивались плачевно. У нас на глазах какой-то, похоже крепко выпивший мужчина, на спор прыгнул с самого верха Петушка, с двадцати пяти метровой высоты. Прыгнул совершенно непрофессионально и, не совладав со своим телом, ударился спиной о воду. Его отвезли в больницу, где он вскоре скончался. После этой сцены напуганные ребята не очень охотно ходили к Петушку. Мне же хотелось именно туда, так как только там можно было хоть немного поплавать.

Нина часто оставалась дома, помогая Мусе готовить обед, ужин. По вечерам, когда спадала жара, и начинали трещать цикады, хозяева и гости располагались на скамьях за длинным столом под навесом из сплетённых виноградных лоз. Грозди винограда

*Горячий ключ.
Нина и Оля под дубом у реки Псекупс.*

свисали над нашими головами. Володя доставал из погреба домашнее вино и начинались воспоминания. Детям и мне доставалось парное молоко, пышный хлеб с маслом и мёдом.

С тем временем связано одно приключение, о котором мы потом часто рассказывали знакомым. Как-то днём, мы с Ниной

прогуливались по центральной аллее. Дети остались дома и помогали Владимиру Яковлевичу собирать яблоки. Увидев парикмахерскую, Нина решила сделать маникюр. Я остался на улице. Подождав некоторое время, решил, что неплохо было бы побриться. Зашёл в парикмахерскую, краем глаза посмотрел на Нину и сел в кресло. Когда я стал рассчитываться, Нина, ничем не выдавая, что мы знакомы, попросила:

- Молодой человек! Может быть, Вы заплатите за меня? Не хочется лезть в сумочку и портить маникюр.

- Пожалуйста, – пожав плечами, промолвил я, – и, обратясь к Нининому мастеру, спросил:

- Сколько надо заплатить?

Затем, выложив требуемую сумму, вышел на улицу и, не оглядываясь, удалился в сторону санатория.

Как потом рассказала Нина, в парикмахерской повисла напряжённая тишина. Выдержав длинную паузу, мастер, только что побрившая меня, обращаясь к Нине, спросила:

- Вы его хотя бы знаете?

- Нет, а что? – сделав удивлённое лицо, ответила Нина. Затем, попрощавшись, вышла и демонстративно пошла в противоположную сторону.

Вечером, придя с работы, Муся, работавшая сестрой-хозяйкой санатория, стала возмущаться:

- До чего дошли эти отдыхающие! Ни стыда, ни совести. Сегодня мне рассказали удивительную историю. И она пересказала, с небольшими искажениями, разыгранный нами спектакль.

Все дни, проведённые в Горячем Ключе, настроение у Нины было прекрасным. О ссоре в Москве она не вспоминала.

В Енисейске нас ожидала новость: Василий Иванович Яцеев, получив аттестат доцента, уехал работать в Пермь. Все были уверены, что этот его поступок был прямым следствием назначения Николая Ивановича Демко. Увольнение Яцеева было большой потерей для института. Ведь в те годы в вузах Красноярского края работало всего три дипломированных математика: Слободской Лев Иосифович и Эдельман Самсон Львович, – в Красноярском пединституте, и Яцеев Василий Иванович, – в Енисейском пединституте.

После отъезда Яцеева в Пермь, обязанности заведующего кафедрой математики возложили на меня. Естественно, что Юра не упустил возможность съязвить:

- Вот она и корысть. А ты говорил, что вступил в партию то ли по идейным соображениям, то ли по принуждению.

Сейчас мне это Юрино обвинение кажется безобидной шуткой, и я готов был бы терпеть их сколько угодно, лишь бы он был рядом. Но тогда я сильно переживал. Наверное, отчасти и потому, что в его упреке была доля истины. Ведь в те годы заведующих не выбирали как теперь, а назначали и утверждали, в частности и на партийном бюро, которому, как правило, принадлежало последнее слово.

При обсуждении моей кандидатуры, больше всего вопросов задавали по поводу организации на кафедре научно-исследовательской работы. И это было естественно. После отъезда Василия Ивановича у нас остался только один преподаватель, ведущий исследования в области чистой математики – Мулин Иосиф Григорьевич. Все остальные, если и вели некоторую работу, то только в области частных методик. Я к этому времени проработал в институте уже пять лет, и мне было пора определиться с областью своих научных интересов. Два предшествующих года я, с упорством, достойным лучшего применения штудировал книгу Понтрягина «Непрерывные группы». Но определить более узкую область и выйти на конкретную и диссертационную тему не смог. Лойко мне сказал, а Эдельман потом подтвердил, что в Красноярском крае непрерывными группами никто не занимается. С болью в душе решил отказаться от последующих попыток. Ведь мне исполнилось уже сорок лет. Для занятий чистой математикой я был уже безнадежно стар. Оставалась единственная возможность – продолжить начатые ещё в период работы в школе исследования по проблемам, связанным с реализации функциональной линией школьного курса математики. Научного руководителя и по этой теме у меня не было, но была рекомендация сектора математики института методов обучения АПН на публикацию подготовленного пособия: «Из опыта изучения свойств функций в восьмилетней школе», объемом 5 п.л. Трудно подсчитать сколько раз я перерабатывал книжку, и сколько раз её перепечатывала Нина. Издана она была в 1963 году издательством АПН, тиражом 40 тысяч экземпляров. Редактировал ее И.А. Гибш.

Впервые эту книжку я увидел в одном из московских книжных магазинов, в которые заходил в поисках учебной литературы. Передо мной стояла средних лет женщина и листала какую-то тоненькую зеленую книжку. Я с нетерпением ждал, когда освободится продавец. Наконец покупательница положила книжку на прилавок и отошла. Я скользнул взглядом по зеленой обложке и замер. На ней значилась моя фамилия. Это была моя книжка, плод бессонных ночей, раздумий и бесконечных переделок. Никогда потом

я уже не испытывал таких чувств. Взял три книжки и отошел, наблюдая за тем, будут ли ее брать другие. Издательство выплатило мне тот раз, что-то около четырехсот рублей, которые по тем временам были неплохими деньгами. На них можно было два раза слетать в Москву и обратно.

Потом, в 1964 году, издательством Просвещение была опубликована вторая моя книжка под названием «Из опыта изучения свойств функций и пределов в старших классах» объемом в 6.8 п.л., которая по существу была продолжением первой. Редактором и на этот раз был И.А. Гибш. Однако моя личная активность не решала общей проблемы повышения уровня научно-исследовательской работы кафедры. На это потребовалось несколько лет упорного труда.

Семнадцатого октября 1961 года начал работу XXII съезд партии. На нем вновь был поднят вопрос о преступлениях Сталина и сталинистов. Но на этот раз Хрущев в своих разоблачениях пошёл дальше, заявив, что массовые репрессии распространялись не только на коммунистов, но и на рядовых советских граждан. Совершенные преступления приписывались теперь не одному Сталину, как в пятьдесят шестом году, а целой группе ближайших его соратников, которая почти полностью совпадала с разоблачённой ранее «антипартийной» группой. Однако и на этот раз Хрущёв обошёл стороной вопрос об ответственности партии в целом. В заключении Хрущёв предложил воздвигнуть памятник коммунистам – жертвам сталинизма.

30 октября большинство делегатов высказалось за то, чтобы тело Сталина было вынесено из Мавзолея. Нина сначала возмутилась, но потом, поняв неизбежность происходящего, удовлетворилась тем, что успела побывать в мавзолее, а Валерик сокрушался, что теперь уж никогда не сможет увидеть «живого мёртвого Сталина», и очень завидовал Роме и Наташе. Понимая, что завидовал он не столько этому, сколько нашей поездке на юг, пообещал ему, что следующий раз он обязательно поедет с нами.

Судя по документам, принятым по итогам съезда, Хрущёв не добился на нём существенного перелома в свою пользу. Резолюция, посвящённая десталинизации, была сглажена. В неё не были включены, ни предложение воздвигнуть памятник жертвам «чисток», ни упоминания о масштабе массовых репрессий сталинизма. Речь шла лишь об «ошибках» и «отклонениях». Наконец, вопреки подчеркнутой в докладе Хрущёва необходимости продолжить изучение этих вопросов, резолюция утверждала, что «Партия сказала народу всю правду о злоупотреблениях власти в период культа

личности». Этой формулировкой резолюция ясно указала на то, что это дело закрыто и дебаты завершены.

Предпринимаемые Хрущёвым шаги во внутренней и внешней политике, особенно их результаты, стали последнее время внушать серьёзные опасения. Становилось всё более очевидным, что все его реформаторские начинания оканчиваются неудачами, в результате чего страна могла вернуться к политике жёсткой централизации, цензуре и репрессиям.

Большие опасения вызывала и внешняя политика страны. События 1956 года в Польше и Венгрии, скандал со сбитым самолётом-разведчиком и пленением Пауэрса в 1960, возведение в 1961 «берлинской стены», разрыв заключённого с Соединёнными Шта-

*г. Енисейск. 1962 г.
Митинг в защиту Кубы.*

тами соглашения о моратории на ядерные испытания в атмосфере, серия мощных атомных взрывов, произведённых в конце 1961 года в СССР, вели к усилению холодной войны. Ухудшение отношений с Китаем, Румынией и Албанией, свидетельствовали о неблагополучии в отношениях между странами социалистического лагеря. Критической черты наша внешняя политика достигла в период «Карибского кризиса» 1962 года, когда правительство попыталось установить на Кубе ракеты средней дальности с ядерными боеголовками. В ответ на такие действия армада американских военных кораблей блокировала Кубу, встав на пути наших кораблей, везущих на Кубу ракеты. Мир был на грани новой мировой войны с применением ядерного оружия.

В институте шли постоянные учения по гражданской обороне, военкомат призвал всех резервистов на переподготовку. Призвали и меня. В течение месяца я с ещё несколькими нашими преподавателями вместо чтения лекций ходил на сборный пункт, где отрабатывали приёмы эвакуации населения в случае ядерной опасности. Какой-то пожилой инструктор рассказывал нам о принципах устройства атомной бомбы и средствах защиты от ядерного взрыва. Как выяснилось, он ничего не понимал в ядерных реакциях, но поучал нас с важным и многозначительным видом. На заданный кем-то из нашей команды вопрос, откуда в такой относительно маленькой штуке, какой является атомная бомба, берётся столько энергии, с важным видом ответил:

- Это военная тайна.

Занятиями по гражданской обороне были охвачены и все студенты. В соответствии с планом мероприятий были организованы отряды, назначены старшие, сформированы цепочки для быстрого оповещения и сбора преподавателей и студентов, проводились учения. Одно из них запомнил на всю жизнь.

Глубокая осень, темная безлунная ночь. Телефонный звонок. Незнакомый голос от имени штаба ГО требует явиться на хозяйственный двор института, для участия в оперативном учении. На часах половина первого. Выхожу. Все окна нашего дома светятся. Похоже не розыгрыш. Дожидаюсь попутчиков. Идём на хозяйственный двор. Там уже возятся шоферы, готовящие технику для эвакуации преподавателей и студентов. Неожиданно во всех окнах общежития, примыкающего к хозяйственному двору, гаснет свет – имитация светомаскировки. Шоферы ругаются, им надо еще наладить доски-сидения, для студентов, а они ничего не видят. В общежитии то же суматоха. Время идет, собираются сотрудники и студенты, в основном студентки. Наконец, несмотря на запрет, шоферы включают фары своих машин и при их свете налаживают сидения. Двор освещается призрачным светом, и становятся видны фигуры сбивающихся в кучу и жмущихся друг к другу ещё не совсем проснувшихся студенток. Бледные, лишённые обычной косметики, напуганные лица. На ногах туфельки, кое-кто даже в босоножках, на плечах куртки, телогрейки, на головах платки, спортивные вязаные шапочки, из-за которых лица кажутся детскими – наивными и беспомощными.

По требованию руководителей учения свет быстро гасят, и всё вновь погружается в черную непроницаемую мглу. Наконец машины готовы и все ожидают команды на посадку. Куда нас собираются везти, не знают ни студенты, ни преподаватели. Жалею, что не

взял хотя бы хлеба. И в этот момент раздаётся команда «отбой». Но свет не включают. Расходимся в кромешной темноте, натываясь на неизвестно откуда взявшиеся ящики, и друг на друга. Небо, земля, чавкающая под ногами грязь, всё черным-черно. Кто-то плачет, кто-то смеется, кто-то испугано сообщает, что уронил документы и просит посветить.

А в кабинете ректора ещё долго горит свет, там начальство с руководителями учения отмечает успешно проведенную операцию. Я же дома долго не могу уснуть. Страшно подумать, что было бы, если бы всё увиденное и пережитое не было игрой.

Вскоре после утверждения в райкоме партии мне поручили руководство институтским агитколлективом. В нём, в основном студенты. Многие из моей группы. Территория – окраина Енисейска. Маленькие домики, старики и старушки. Небольшая выстланная тесом площадка, на которой с небольшими концертами выступали члены агитколлектива. Вместе с ними иногда выступала и Нина. Её цыганочка пользовалась неизменным успехом. После концерта, посещение хозяев. Выслушивал многочисленные жалобы, просьбы, помогал писать заявления, с которыми потом шёл в райисполком. Там этой стороной моей деятельности были недовольны:

- Вы и Ваш агитколлектив должны разъяснять людям политику партии, агитировать за неё, а не собирать жалобы.

Я понял. К своему поручению не следовало относиться слишком серьёзно. Но остановиться уже не мог и ещё долго осаждал различные организации просьбами своих подопечных. Партийные поручения, а их у меня было немало, отнимали много времени. Ещё больше времени отнимали институтские и факультетские партийные собрания, которые иногда затягивались до полуночи. На них надо было выступать, проявлять активность, быть «принципиальным». Присущие мне колебания и сомнения, привычка анализировать и обсуждать спускаемые сверху директивные указания были совсем неуместны и могли быть расценены, как отсутствие партийной культуры. Для меня это было очень тяжело, и я часто возвращался с этих собраний совершенно разбитым.

В центре внимания учебных заведений тех лет была реформа системы образования, направленная на укрепление связи школы с жизнью. Задуманная как средство «орабочивания» молодёжи, ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом, реформа на деле вылилась в компании за «слияние школы и жизни», «жизни и науки». Сотни тысяч представителей молодёжи отправились на целинные земли, на комсомольские стройки, а представители интеллектуального труда – на овощные базы,

уборку улиц, скверов. Но для меня самым главным в этой реформе были новые программы, новые учебники, в которых реализовывались прикладные аспекты математики.

Преподавательская деятельность в вузе мне нравилась. Особенно чтение лекций. За годы работы в Енисейске пришлось прочесть все, предусмотренные учебным планом физмата, математические курсы. На лекциях никогда никакими даже самыми скромными записями не пользовался, даже тогда, когда вместе с Викторией Фёдоровной Ивановой читал студентам литфака спецкурс по математической лингвистике.

Отношения со студентами и, особенно со студентами курируемой мною группы, носили неформальный, почти семейный характер. Многие из них хранили в нашем погребе привозимые из дома продукты, запросто приходили к нам обедать, особенно в конце месяца, когда у них кончалась стипендия и продукты. По вечерам пели студенческие песни. Когда в общежитии было холодно или шла санобработка, оставались ночевать, иногда по пять-шесть, а то и более человек. Приносили матрацы и стелили их прямо на полу, и тогда, выходя ночью из спальни в детскую, нам приходилось перешагивать через их распостёртые на полу сонные тела. Особые отношения складывались у них с Ниной. Ей они доверяли свои девичьи тайны, искали поддержки. Наиболее тёплые, сохранившиеся на многие годы отношения сложились у нас с Лидой Кисилевской, Зиной Челноковой, Зиной Лифенко, Машей Цыган и, естественно, с Ритой Закутилиной, Таней Сметюк, Валею Мизоновой, которые учились и окончили наш факультет.

Помню, сколько хлопот доставлял нам Толя Максимчук. Высокий, стройный, симпатичный, с чёрными искрящимися глазами и столь же чёрными усиками. В него были влюблены сразу несколько студенток моей группы, что, естественно, становилось причиной многих маленьких трагедий. Девушки, не находящие отклика в его беспокойной, метущейся душе, обращались со своим горем и слезами к Нине.

В те годы главные свои воспитательные усилия в работе с курируемой мною группой я направил на то, чтобы приучить студентов к интеллектуальному труду и на борьбу с выпивками. Жила моя группа в двухсекционном бараке, расположенном почти в центре нашего институтского городка. В одной половине, в которой когда-то жил профессор Юрий Борисович Румер, располагались юноши, во второй – девушки. Я ежедневно, после работы, заходил к ним в барак, интересуясь, как они готовятся к очередным заняти-

ям и, при необходимости, часто вопреки их желанию, консультировал.

Однажды, готовясь к ноябрьским праздникам, решил показать студентам, как весело можно провести время, не подвергая себя воздействию горячительных напитков. Вместе со старостой, комсоргом и ещё несколькими активистами группы, мы заготовили игры интеллектуального толка, закупили сладостей, безалкогольных напитков. Девочки с помощью Нины напекли пирогов и большой торт. К ужасу юношей и удивлению продавщиц, мне удалось уговорить директора магазина заменить закупленную студентами водку и вино на сладости, печенье, газированную воду и яблоки.

Сначала вечер шёл вяло, скучно. Даже песни звучали не так, как обычно. Но постепенно люди разговорились. Игры стали живее, песни громче и задушевнее. Поздно вечером, вернувшись домой, я сказал Нине:

- Вот видишь, можно же веселиться и без этого проклятого вина.

Нина, посмотрев на меня с удивлением, сказала:

- Робочка, да ты что, слепой? Неужели не заметил, как часто и юноши и девушки по одному, а то и небольшими группами удалялись на вторую половину, где и был основной источник их вдохновения.

Я этого не видел, как возможно и многого другого, более важного.